

РАЗНООБРАЗИЕ АФРИКИ В ЕЕ ВАЛЮТАХ

Глава из «Африка 2025: Возможности и риски»
Экспертно-аналитический справочник, подготовленный Центром изучения Африки НИУ ВШЭ
Под общей редакцией А.А. Маслова и В.Ю. Свиридова

Авторы:

Бондаренко Анна Валентиновна, исполнительный директор, Интеграция Экспертизы.

Смирнов Кирилл Владимирович, стажер-исследователь Центра изучения Африки НИУ ВШЭ.

Маслов Андрей Александрович, директор Центра изучения Африки НИУ ВШЭ.

При участии Демина Игоря, Голубцова Михаила, Суховой Дарьи, Светловой Анастасии и Воронина Семёна.

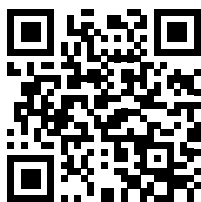
Под редакцией Маслова Андрея Александровича, директора Центра изучения Африки НИУ ВШЭ.

Глава **«Разнообразие Африки в ее валютах»** посвящена комплексному анализу валютных режимов, политики управления резервами и цифровой трансформации финансового сектора в Африке. Исследуются такие разнородные явления, как зона франка КФА, введение обеспеченной золотом валюты в Зимбабве и успех мобильных платежных систем. Материал подготовлен Центром изучения Африки НИУ ВШЭ в рамках экспертно-аналитического справочника «Африка 2025: Возможности и риски».

«Африка 2025: Возможности и риски» — это справочное издание, посвященное проблемам развития, вызовам и перспективам африканского континента. Целевая аудитория издания включает государственных служащих, представителей деловых кругов, научного и экспертного сообществ. Цель справочника — предложить альтернативный, конструктивный взгляд на ключевые проблемы, стоящие перед Африкой, в числе которых — обеспечение продовольственного и энергетического суверенитета, преодоление долгового кризиса, цифровая трансформация, стремительная урбанизация и демографический рост.

Справочник был подготовлен коллективом экспертов и ученых под руководством Центра изучения Африки НИУ ВШЭ (Москва, Россия).

Цифровая версия
справочника
доступна по ссылке:

© Центр изучения Африки НИУ ВШЭ и авторы, 2025
Все права защищены.

Оглавление

Разнообразие Африки в ее валютах	4
Цифровые валюты и платежи в Африке	9
Валютные резервы Африки	12

Разнообразие Африки в ее валютах

Валюта и обменный курс играют ключевую роль в оценке экономической стабильности развивающихся стран. Разнообразие Африки выражается и в режимах обменного курса:

- марокканский дирхам функционирует **в рамках режима управляемого обменного курса**: с 2020 г. его стоимость поддерживается в **горизонтальном коридоре** и привязана к валютной корзине, в которой доля евро составляет 60%, а доллара — 40%;
- схожий, но более гибкий подход применяется в Ботсване: национальная валюта — пула — привязана к корзине, включающей специальные права заимствования (SDR) и южноафриканский рэнд. Такой механизм представляет собой так называемую **мягкую фиксацию**, позволяя властям корректировать курс при изменении внешнеэкономических условий;
- в ряде стран, включая Малави, Мозамбик, Нигерию, Судан и Танзанию, установлены режимы **«стабильного курса» с мягкой привязкой**;
- 12 стран Африки, включая Алжир, Кению, Маврикий, Тунис, Руанду, используют более гибкие **системы, предусматривающие возможность корректировки курса** в зависимости от ситуации на рынке;
- наиболее широко на континенте представлен **фиксированный курс**, который действует в 21 стране. Из них 17 государств входят в зоны франка КФА, где валюты жестко привязаны к евро (через номинально существующий до сих пор французский франк).

Режимы валютных курсов стран Африки

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ и Интэксом на основе данных МВФ.

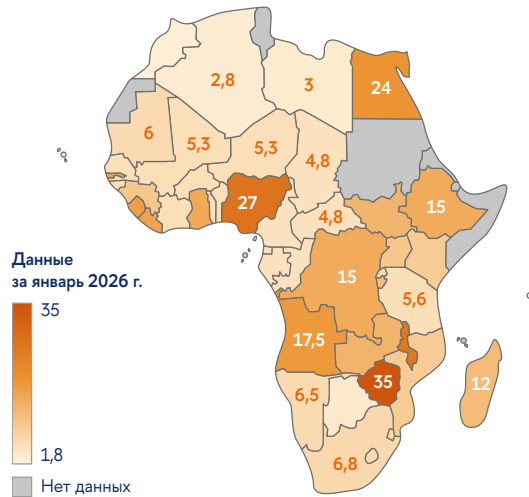
Валюты Лесото, Намибии и Эсватини привязаны к южноафриканскому рэнду, а эритрейская накфа имеет фиксированную привязку к доллару США;

- **плавающий обменный курс** официально применяется в восьми странах: Анголе, Египте, Замбии, Мадагаскаре, ЮАР, Эфиопии, Уганде и на Сейшельских островах. Особый случай представляет Сомали, где национальная валюта — сомалийский шиллинг — обращается в условиях **свободного плавания**;
- Южный Судан, Зимбабве, Либерия и Сьерра-Леоне используют уникальные модели, которые классифицируются как **«прочие режимы управляемого курса»**.

Кроме того, для многих стран Африки характерна практика применения «двойных обменных курсов». Двойной курс возникает, когда официальный курс, устанавливаемый центральным банком, значительно отличается от рыночного или параллельного. Такая система чаще всего обусловлена жестким валютным контролем и ограниченным доступом населения и бизнеса к иностранной валюте. Один из примеров — Алжир: в середине 2024 г. официальный курс составлял 134 динара за доллар США, однако на черном рынке доллар США оценивался в 224.

Пример борьбы с режимом «двойных обменных курсов» — Эфиопия. 29 июня 2024 г. Национальный банк Эфиопии под давлением МВФ и других международных кредиторов объявил о реформе валютного режима, одно из положений которой предусматривало переход к рыночному режиму обмена валюты: банкам было разрешено покупать и продавать иностранную валюту у своих клиентов и между собой по свободно согласовываемым курсам. Национальный банк будет осуществлять лишь ограниченные интервенции для поддержки рынка в первые дни действия режима и в случае, если это будет оправдано нестабильными рыночными условиями. До реформы июля 2024 г. официальный обменный курс составлял приблизительно 56,55 эфиопского быра за доллар США, в то время как курс на парал-

Ставка рефинансирования в странах Африки, %

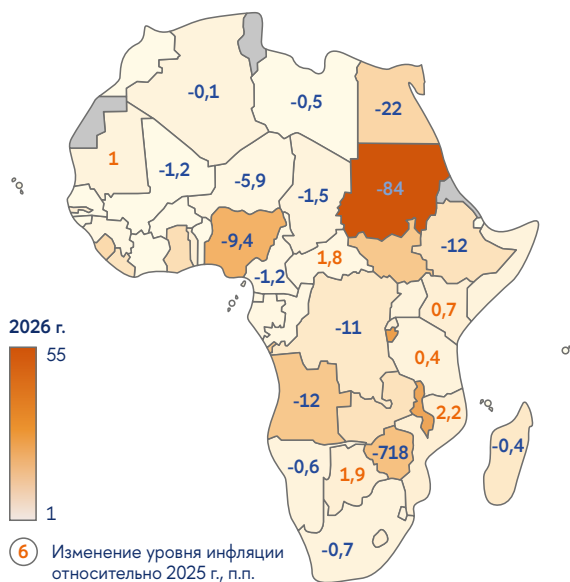
Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

лельном рынке достигал 116 быр за доллар США, в результате чего разница превысила 100%. После реформы разрыв между официальным и параллельным рыночными курсами значительно сократился. К августу 2024 г. разница сократилась до менее 10%, при этом официальный курс достиг более 100 быр за доллар США, а параллельный курс стабилизировался на уровне около 115 быр за доллар. В январе 2025 г. официальный курс был в диапазоне от 126 до 139 быр за доллар, в то время как параллельный курс составлял приблизительно 150 быр за доллар. С одной стороны, борьба с черным валютным рынком в Эфиопии позволила укрепить контроль над денежным обращением, ограничить спекуляции с иностранной валютой и снизить уровень нелегальных операций, что способствовало большей прозрачности и стабильности финансовой системы. Однако, с другой стороны, жесткие меры против теневого сектора негативно сказались на бюджете: дефицит иностранной валюты усилил давление на импорт, а также затруднил финансирование социальных и инфраструктурных расходов, зависящих от внешних поставок и валютных поступлений.

Согласно классификации МВФ, африканские страны можно разделить по типу применяемой денежно-кредитной политики. Выделяют четыре основных режима: жесткая привязка обменного

Категория **«другие рамки денежно-кредитной политики»** применяется в тех случаях, когда страна не использует четко обозначенный якорь, а центральный банк ориентируется на широкий спектр экономических индикаторов при проведении денежно-кредитной политики. Это может включать гибкое сочетание целей по инфляции, обменному курсу, денежным

Уровень инфляции в странах Африки, %

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

агрегатам и другим параметрам. К этой группе относятся Малави, Мозамбик, Судан, Тунис.

Внешний долг африканских стран выражен преимущественно в иностранных валютах, таких как доллар или евро.

С 2022 г. ряд африканских валют сильно обесценились по отношению к доллару США, что резко увеличило бремя обслуживания внешнего долга. Номинальный размер обязательств в иностранной валюте (например, долларах) остается неизменным, а их стоимость в национальной валюте возрастает. Например, в Нигерии в 2023 г. падение курса найры на 70% сделало обслуживание обязательств существенно дороже: пересчитанный в найрах внешний долг увеличился более чем вдвое¹. В Гане около 98% прироста долга в 2023 г. также связано с обесценением национальной валюты: при сохранении номинального долга в долларах его стоимость в седи и нагрузка на бюджет существенно возросли.

1 Bloomberg. Understanding Nigeria's Currency Slump, and What Happens Next. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-07-30/why-nigeria-s-naira-currency-non-usd-slumped-and-why-it-matters>

Франк КФА привязан к евро, что имеет двойственные последствия для управления государственным долгом. Поскольку значительная часть внешнего долга, а также международная торговля номинированы в долларах, снижение курса евро по отношению к доллару автоматически увеличивает стоимость обслуживания долга в пересчете на франк КФА, усиливая долговую нагрузку без фактического увеличения заимствований. Укрепление евро, напротив, может привести к снижению долларowego эквивалента долга, но также сопровождается неблагоприятными эффектами — потерей ценовой конкурентоспособности и сокращением доли экспорта на мировых рынках, особенно по отношению к странам, использующим более гибкие или слабые валюты. Привязка франка КФА к евро могла сыграть сдерживающую роль в наращивании внешнего долга, позволив странам зоны избежать уровня задолженности, характерного для ряда государств Восточной Африки. Однако обратной стороной этой стабильности стало замедление темпов экономического роста.

И все-таки основным недостатком жесткой привязки курса остается отсутствие у государств возможности проводить собственную денежно-кредитную политику. Причем если участники зоны евро делегируют свои полномочия ЕЦБ, который хотя бы в теории руководствуется интересами объединенных общим

рынком европейских экономик, то страны двух зон КФА становятся заложниками денежно-кредитной политики ЕЦБ заодно, хотя очевидно, что колебания курса евро по отношению к доллару никак не связаны с интересами принявших привязку к евро стран.

Все больше африканских стран обращаются к золоту в качестве инструмента хеджирования и диверсификации резервов. Золото рассматривается как форма защиты от потенциальных санкций, девальвации резервных валют и волатильности международных финансовых рынков. В этом контексте ряд государств предпринимают активные шаги по наращиванию золотых резервов. Гана запустила масштабную программу внутренних закупок золота. В начале 2023 г. **Гана** заключила соглашение с девятью крупнейшими золотодобывающими компаниями о прямых закупках 20% их добычи со скидкой в 1% от цены Лондонской ассоциации рынка драгоценных металлов. Отталкиваясь от опыта Ганы, Центральный банк **Намибии** объявил о внедрении аналогичного механизма внутренних закупок драгоценного металла. **Нигерия** начала реализацию программы по покупке золота у местных добывающих компаний с целью пополнения международных резервов. **Танзания** объявила о намерении потратить 400 млн долл. на приобретение 6 т золота. Центральный банк **Уганды** запустил программу прямых закупок золота у местных старателей.

В 2024 г. Резервный банк Зимбабве ввел в обращение новую национальную валюту — ZiG (Zimbabwe Gold), обеспеченную золотом, с целью обуздания высокой инфляции и восстановления макроэкономической стабильности. Поводом для введения ZiG стал резкий обвал зимбабвийского доллара: в 2023 г. он потерял почти 100% своей стоимости по отношению к американскому доллару.

ZiG был введен в обращение 8 апреля 2024 г. по первоначальному обменному курсу 13,56 ZiG за 1 долл. США. Все владельцы долларовых счетов в Зимбабве были обязаны перейти на ZiG. 56 ценных бумаг, котирующихся на фондовой бирже Зимбабве, были перерегистрированы в новой валюте. Резервный банк Зимбабве инициировал процесс изменения официального кода валюты с ZWL (зимбабвийский доллар) на ZWG.

Банк Зимбабве заявил, что новая валюта будет полностью обеспечена резервами, в том числе 100 млн долл. в наличной форме и 2522 кг золота (на тот момент — около 185 млн долл.). Банк подчеркнул свою приверженность жесткой денежно-кредитной политике, объявив о намерении увязать рост денежной массы с увеличением объема золотовалютных резервов.

30 апреля в обращение были введены новые банкноты ZiG, а Резервный банк запустил рекламную кампанию, направленную на повышение осведомленности населения о новой валюте и укрепление доверия к ней. В целях стимулирования спроса на ZiG правительство обязало компании, осуществляющие операции исключительно в местной валюте, выплачивать корпоративный подоходный налог в новой валюте. Для компаний, получающих выручку как в ZiG, так и в иностранной валюте, размер налоговых обязательств определяется пропорционально валютной структуре их оборота. Однако во II квартале 2024 г. правительство дало возможность компаниям выплатить 50% корпоративного налога в ZiG и 50% — в иностранной валюте независимо от фактической структуры их оборота. Таможенные пошлины на импортируемые товары также будут уплачиваться в местной валюте, за исключением некоторых товаров первой необходимости или предметов роскоши, облагаемых пошлиной в иностранной валюте.

На практике ZiG остается малораспространенным в повседневном обращении, уровень доверия населения к новой валюте пока остается низким (сохраняется недоверие после гиперинфляции 2007–2008 гг., когда национальная валюта фактически обесценилась). Экономика страны более десяти лет функционирует в условиях высокой долларизации: большая часть как крупного, так и малого бизнеса функционирует с использованием доллара, который воспринимается в качестве более надежного финансового инструмента. Большинство граждан по-прежнему используют доллары США для расчетов, а цены на основные потребительские товары продолжают указываться в долларах.

Для обеспечения достаточной денежной массы золотом большинству стран Африки не хватает резервов физического золота.

Жесткая привязка национальной валюты к золоту также делает экономику уязвимой к колебаниям мировых цен на металл, а снижение цены на золото может привести к сокращению стоимости резервов и ослаблению денежно-кредитной базы. Кроме того, многие страны вовсе не располагают ликвидными ЗВР (например, так называемые резервы стран КФА размещены в их собственных ценных бумагах), и формирование таких резервов потребует значительных инве-

стиций, т.е. сокращения расходов по другим статьям бюджетов. Еще одна фундаментальная проблема, ограничивающая суверенитет многих стран, — размещение резервов за границей. Многие центробанки считают собственные хранилища недостаточно надежными, кроме того, физическое золото в Швейцарии, Лондоне и Сингапуре не достанется пришедшим к власти незаконным путем мятежникам — до тех пор, пока те не добьются международного признания. Но верно и обратное — вполне законные, признанные народом власти страны могут лишиться доступа к собственным ЗВР из-за односторонних санкций Запада.

Цифровые валюты и платежи в Африке

На страны Африки приходится 66% мирового объема денежных переводов, осуществляемых через системы мобильных электронных платежей. В 2024 г. вклад сектора мобильных платежей в ВВП стран Африки — 220 млрд долл., что эквивалентно 7,7% ВВП². В 2023 г. на континенте было около 835 млн зарегистрированных мобильных денежных счетов, а объем транзакций достиг 912 млрд долл. Само по себе это явление примечательное и связано прежде всего с тем, что уровень проникновения традиционных

банковских услуг в Африке существенно уступает уровню проникновения мобильной связи. Второй фактор — лояльное отношение регуляторов (прежде всего центральных банков), которые позволили населению перенести значительный объем неформальных транзакций (платежей между гражданами и мелким бизнесом за покупки на рынках, мелкие услуги и т.п.) из наличной формы в мобильные деньги, а иностранным инвесторам (телеком-операторам прежде всего) — занять ведущие роли на рынках платежей. В результате многие страны Африки оказались на передовом крае мировых финансовых технологий,

М-Pesa

Один из самых успешных примеров внедрения цифровых финансовых технологий в Африке — платформа М-Pesa. Сервис мобильных переводов и платежей был запущен в Кении в 2007 г. компаниями Vodafone и Safaricom. Через 14 месяцев с момента запуска количество пользователей достигло 2,7 млн. Спустя два года показатель вырос до 7 млн — около 40% взрослого населения страны. К 2014 г. число пользователей М-Pesa достигло 19 млн человек.

М-Pesa функционирует также в Танзании, ДР Конго, Египте, Эфиопии, Гане, Лесото и Мозамбике³. Более 60 млн пользователей М-Pesa ежегодно совершают транзакции на сумму свыше 314 млрд долл. За пределами Африки М-Pesa также доступна в Афганистане (до 2022 г.) и Румынии. В Афганистане сервис использовался для выплаты заработной платы сотрудникам полиции и другим государственным служащим. А в России и других странах пользоваться М-Pesa можно при помощи роуминга и африканской сим-карты. С 2025 г. пользователи получили возможность пополнять счета М-Pesa напрямую из России через переводы со счетов в Сбербанке.

Центральные банки ряда стран стремятся догнать частных эмитентов и занять свою нишу на рынках мобильных и цифровых платежей.

В 2021 г. Нигерия стала первой страной в Африке, выпустившей собственную цифровую валюту — цифровую найру (eNaira). Обменный курс eNaira привязан к курсу обычной найры, а ее выпуск и обращение регулируются Центральным банком Нигерии. К 2023 г. количество транзакций с использованием eNaira выросло на 63%, достигнув 22 млрд найр (около 48 млн долл.), во многом из-за валютного кризиса, который произошел ранее в том же году.

2 GSMA. The Mobile Economy Africa 2025. URL: https://www.gsma.com/solutions-and-impact/connectivity-for-good/mobile-economy/wp-content/uploads/2025/10/GSMA_AFRICA_ME2025_R_Web-3.pdf

3 M-PESA. URL: <https://www.m-pesa.africa>

но не без новых рисков для макроэкономической устойчивости и безопасности.

Постепенное распространение мобильной связи и беспроводного интернета в Африке предоставило значительные возможности для развития современных финансовых технологий, включая платежные сервисы, денежные переводы, одноранговое (P2P) кредитование и микрострахование. Потенциал африканского финтех-сектора привлек внимание таких крупнейших мировых платежных систем, как Visa, Mastercard и American Express, которые активно расширяют свое присутствие на рынке. При этом африканские компании, включая MTN (ЮАР), успешно конкурируют с мировыми гигантами.

Чем ниже уровень проникновения традиционных банковских сервисов, тем динамичнее развивается сектор мобильных платежей. Согласно исследованию Всемирного банка, в Сомали около 63% пользователей мобильных финансов хранят свои сбережения на мобильных телефонах и получают денежные переводы через свои мобильные счета. Мобильный сервис EVCPLUS от Hormuud Telcom является безусловным лидером на рынке мобильных денег в Сомали: его охват — 73%, а уровень удовлетворенности клиентов достигает 92%.

Однако мобильные платежные системы имеют ряд недостатков. Вопросы надежности и кибербезопасности остаются ключевыми препятствиями для широкомасштабного перехода предприятий и домохозяйств на мобильный банкинг. Во многих странах Восточной Африки платежные платформы до сих пор полагаются на SMS-технологии, которые считаются наименее защищенным способом передачи данных. Кроме того, доступ к мобильным телефонам и стабильному интернет-соединению по-прежнему остается ограниченным, особенно в сельских и отдаленных районах.

В долгосрочной перспективе рост сектора мобильных денежных расчетов закрепляет зависимость африканских экономик от внешней конъюнктуры.

Денежные средства, поступающие через мобильные платежи, зачисляются на счета операторов, зачастую принадлежащих иностранным компаниям или транснациональным холдингам. Хотя комиссии за транзакции подлежат налогообложению, сами переводы обычно квалифицируются как частные, а не коммерческие и поэтому не облагаются налогами. Это ограничивает способность государств формировать устойчивую налоговую базу, необходимую для укрепления финансового суверенитета. Главными бенефициарами цифровых платежных платформ остаются телекоммуникационные компании и банки, как местные, так и зарубежные, в то время как правительства продолжают полагаться на нестабильные источники дохода, включая экспорт сырья и внешние займы.

При этом развитие мобильных денег по регионам неоднородно: Африка южнее Сахары остается главным центром распространения, тогда как в Северной Африке уровень проникновения сервисов такого типа существенно ниже. Это объясняется меньшей выраженностью упомянутых факторов, которые привели первоначально к распространению мобильных денег. Тем не менее с развитием технологий мобильных платежей Северная Африка демонстрирует самые высокие темпы роста рынков мобильных денег на континенте благодаря спросу на удобные финансовые решения и относительно высокой платежеспособности местного населения. В настоящий момент мобильные деньги уже не только заполняют ниши, в которых традиционные банковские услуги были недоступны, но и конкурируют с традиционными банковскими сервисами.

Дополнительно стоит отметить, что африканский рынок мобильных денег формируется многоуровневой экосистемой, где сосуществуют локальные стартапы, международные гиганты и гибридные модели. Как правило, в Африке мобильные финансовые сервисы предоставляют телекоммуникационные корпорации в партнерстве с традиционными банками. В структуре их выручки мобильные деньги занимают значительную долю (до 40% у крупнейших телекоммуникационных компаний).

на континенте), уступая голосовым и интернет-сервисам. Ключевыми провайдерами мобильных финансовых сервисов являются южноафриканская MTN (доминирующая в ЮАР, Нигерии и Гане), британская Vodafone (через доли в операторах, таких как Safaricom в Кении), индийская Airtel с сильными позициями в Восточной Африке, а также французская Orange, широко представленная во франкофонной Африке. Параллельно действуют локальные провайдеры, такие как зимбабвийская компания EcoCash, сенегальская Wave и малагасийская MVola. Эти примеры демонстрируют, как разные подходы захватывают аудиторию в регионах с низкой доступностью банковских сервисов.

Мобильные деньги напрямую влияют на ВВП африканских стран через финансовую инклюзию и цифровизацию расчетов. Согласно GSMA, увеличение проникновения мобильных платежей на 10 п.п. дает дополнительный прирост ВВП на 0,4–1,0% в год⁴. Этот эффект усиливается по мере эволюции сервисов: если изначально мобильные платежи ограничивались простыми операциями (пополнение счета, снятие наличных, оплата мобильной связи), то сегодня они охватывают сложные финансовые решения — торговые переводы между предприятиями, международные денежные переводы мигрантов и оплату коммунальных услуг. Исследования показывают, что такие «экосистемные» платежи вносят в среднем 0,5% дополнительного роста ВВП в странах с развитой системой мобильных денег.

Через мобильные кошельки накапливаются значительные суммы, находящиеся в трастовых резервах у операторов. Так, у MTN этот показатель превышает 3,1 млрд долл., у Airtel — около 950 млн долл., у Safaricom — несколько миллионов в кенийских шиллингах. Эти суммы иллю-

стрируют масштаб финансовых потоков, которые контролируются частными компаниями и в значительной мере уходят из сферы прямого государственного регулирования.

В таких странах, как Либерия и Гамбия, денежные потоки от диаспоры составляют более 15% ВВП⁵. Мобильные платежи не только снижают стоимость этих транзакций, но и стимулируют технологическое развитие, привлекая новых игроков. Например, партнерство Mastercard с операторами Airtel и MTN способствует интернационализации африканских платежных систем и создает предпосылки для межрегиональной экосистемы⁶. Однако рост скрытой валютной маржи (разницы между курсом провайдера и рыночным) на 31% в 2022–2024 гг. частично нивелирует эти преимущества, повышая издержки для пользователей⁷.

Параллельно растет роль мобильных денег как инструмента сбережений. Данные GSMA показывают, что доля клиентов, использующих мобильные кошельки для накоплений, значительно выросла за 2023–2024 гг. Это создает принципиально новую возможность безопасного хранения и капитализации микронакоплений для населения, ранее исключенного из формальной финансовой системы. Так, в Эфиопии и Нигерии за 2024 г. прирост клиентов, воспользовавшихся этой опцией, составил более 20 п.п., а в Кении, где уровень проникновения уже был высоким, сохраняется устойчивая динамика⁸. Этот тренд не только увеличивает объем внутренних сбережений, но и способствует снижению зависимости от наличных денег, усиливая монетизацию экономики. Опережающими темпами растет число женщин, использующих мобильные деньги для накоплений⁹, чем частично компенсирует гендерное неравенство в доступе к традиционным финансовым услугам.

4 Mobile money. How digital payments have impacted economic growth. GSMA. URL: https://www.gsma.com/solutions-and-impact/connectivity-for-good/mobile-for-development/wp-content/uploads/2023/10/Mobile-money_How-digital-payments-have-impacted-economic-growth-1.pdf

5 Personal remittances, received (% of GDP). World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWK.R.DT.GD.ZS?locations=LR-GM>

6 Mastercard to Buy Stake in MTN's \$5.2 Billion Fintech Unit. Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-08-14/mastercard-to-buy-stake-in-mtn-s-5-2-billion-fintech-unit>

7 Cross-Border Mobile Money Remittance Cost Survey: Key Trends and Insights. GSMA. URL: <https://www.gsma.com/solutions-and-impact/connectivity-for-good/mobile-for-development/wp-content/uploads/2024/12/Cross-border-Mobile-Money-Remittance-Cost-Survey.pdf>

8 The State of the Industry Report on Mobile Money 2025. GSMA. URL: https://www.gsma.com/sotir/wp-content/uploads/2025/04/The-State-of-the-Industry-Report-2025_English.pdf

9 Navigating Mobile Money Regulatory Risks. GSMA. URL: <https://www.gsma.com/solutions-and-impact/connectivity-for-good/mobile-for-development/wp-content/uploads/2024/12/Risk-Management-Research.pdf>

Таким образом, мобильные деньги трансформируют африканскую экономику и создают новую модель финансовой экосистемы, где технологическая доступность компенсирует институциональные пробелы. Они позволяют ввести налогообложение неформального сектора экономики и увеличить финансовую инклюзию, благодаря чему поддерживаются государствами. Будучи инновационным ответом на недостаток банковской инфраструктуры, система сама порождает новые риски — от киберугроз до регуляторных дисбалансов, которые требуют взвешенных решений на стыке технологической и экономической политики.

Валютные резервы Африки

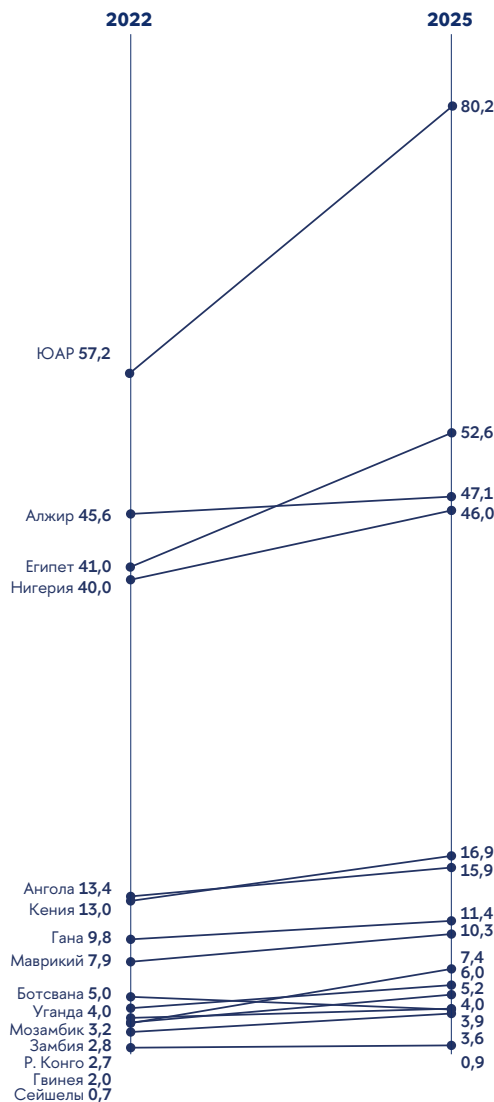
В последние годы динамика валютных резервов африканских стран в значительной степени отражала меры экономической политики, предпринимаемые в ответ на колебания поступлений от экспорта, объемов трансфертов и прочих потоков капитала. Например, резкое падение мировых цен на нефть в 2014 г. привело к снижению валютных резервов мировых стран — экспортеров нефти на 33%, поскольку правительства стремились сохранить стабильность обменного курса.

В 2021 г. **Ливия** располагала крупнейшими номинальными валютными резервами среди африканских стран — 81 млрд долл., за ней следовали **ЮАР** (50 млрд), **Алжир** (46 млрд), а также **Нигерия**, **Египет**, **Марокко** и **Ангола**, чьи резервы также находились на сравнительно высоком уровне¹⁰.

В ряде африканских стран совокупный объем валютных резервов увеличился в период с 2012 по 2025 г.

Согласно данным Центрального банка **Египта**, к 2025 г. международные валютные резервы страны достигли 52,6 млрд долл. Положительная динамика резервов также была зафиксирована в Республике Конго, Республике Гвинея, Кении, на Сейшелах, в ЮАР и Замбии.

Динамика объемов валютных резервов в странах Африки, млрд долл.

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ и Интэксом на основе данных Trading Economics.

Однако в некоторых странах Африки наблюдается тенденция к снижению валютных резервов. Сокращение золотовалютных резервов во многих случаях связано с мерами центральных банков по сдерживанию обесценивания национальных валют. Усиление девальвационного давления

нередко вызвано оттоком капитала со стороны домохозяйств и бизнеса, стремящихся перевести сбережения в иностранную валюту или за пределы официальной финансовой системы. В **Ботсване** объем резервов сократился с 5 млрд долл. в 2022 г. до 3,9 млрд долл. на конец 2025 г.

В **Алжире** объем резервов вырос до 64,4 млрд долл. к началу 2024 г., однако к концу 2025 г. резервы сократились до 47,1 млрд долл. и вернулись примерно на уровень 2022 г. Сокращение резервов в стране в этот период было связано с финансированием ряда затратных инвестиционных программ. Алжир обладает крупнейшими золотыми запасами в Африке — 173,56 т.

Наибольший объем валютных резервов в 2024 г., достаточный для покрытия импорта в течение 30 месяцев, был в Ливии.

В зоне риска в 2024 г. находились **Южный Судан, Буркина Фасо, Зимбабве, Бенин, Мали, Джибути и Малави**, которые располагают валютными резервами, достаточными для покрытия импорта меньше чем на 1 месяц. Более благоприятная ситуация была в 37 странах Африки, где уровень покрытия импорта варьировался в диапазоне от 1 до 6 месяцев.

В 2022–2024 гг. снижение коэффициента покрытия импорта наблюдалось во многих африканских

странах, что было обусловлено резким ростом мировых цен на продовольствие и энергоносители, и, в свою очередь, ускорило инфляцию и увеличило затраты на импорт.

Снижение уровня покрытия импорта произошло в Анголе, Гамбии, Маврикии, Мозамбике, Кении, Гане и Нигерии¹¹. Однако в 2024 г. наметилось постепенное восстановление объемов валютных резервов.

Несмотря на очевидные макроэкономические преимущества, накопление валютных резервов сопряжено с рядом рисков. Страны вынуждены изымать значительные средства из своей нацио-

нальной экономики и размещать их за рубежом — преимущественно в финансовых институтах Европейского союза и США. Таким образом, активы оказываются вне непосредственного

контроля суверенных государств, что делает их уязвимыми в случае политических конфликтов или санкций. Также в условиях глобальной политической нестабильности страны могут столкнуться с ограничением доступа к собственным резервам, как это произошло с Ливией.

Центральные банки африканских стран, как правило, редко публикуют детальную информацию о географическом размещении и валютной структуре международных резервов.

Ливийское инвестиционное управление (Libyan Investment Authority, LIA) — крупнейший в Африке суверенный фонд благосостояния, созданный в 2006 г. при Муаммаре Каддафи для управления нефтяными доходами страны, оказалось под международными санкциями, а его активы заморожены ООН после начала гражданского конфликта в 2011 г. В результате любые новые инвестиции, а также даже простые перемещения средств со счетов требуют одобрения Совета Безопасности ООН. По состоянию на 2019 г. активы LIA оценивались примерно в 68,4 млрд долл. Кроме того, LIA столкнулось с санкциями со стороны стран ЕС и США. По оценкам Совета по международным отношениям, США заморозили ливийских активов на сумму более 50 млрд долл., включая фонд LIA.

11. S&P Global. Sub-Saharan African currencies will be more vulnerable to exchange rate pressures in 2023. URL: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/mi/research-analysis/-sub-Saharan-african-currencies-will-be-more-vulnerable-to-exch.html>

Публикация сведений о чрезмерно низком объеме резервов и их высокой концентрации в определенных активах или низкой ликвидности может усилить отток капитала и вызвать колебания обменного курса.

Информация о структуре валютных резервов публикуется Южноафриканским резервным банком. Согласно отчету за январь 2024 г., совокупный объем международных резервов ЮАР составлял 61,1 млрд долл., из которых 46,7 млрд — депозиты в иностранной валюте, 8,2 млрд — физическое золото и 6,2 млрд долл. — активы, номинированные в специальных правах заимствования (SDR).

На фоне отсутствия детальной информации о валютных резервах в африканских странах выделяется также Центральный банк Египта. Регулятор систематически публикует годовые финансовые отчеты с данными о структуре международных резервов. Согласно отчету за конец 2023 г., международные резервы Египта составляют 39 млрд долл., из которых 27 млрд — депозиты в иностранной валюте, 8,4 млрд — золото и 3,6 млрд — активы, номинированные в SDR.

Однако актуально информации о структуре валютных резервов ЮАР и Египта отсутствует. Общий объем резервов в 2025 г. в ЮАР — 69,7 млрд долл., а в Египте — 46,4 млрд долл.

Пример Ливии демонстрирует, что наличие значительных международных резервов не гарантирует сохранения финансового суверенитета. Важнее — где, в какой форме и под чьим контролем резервы хранятся. Одним из наиболее надежных видов резервных активов остается золото, особенно если оно физически размещено на территории страны. Дорогая, но перспективная альтернатива — создание стратегических запасов биржевых товаров, от импорта которых страна критически зависит. Несмотря на то что подобные активы не могут считаться полноценными валютными резервами из-за ограниченной ликвидности, они могут играть важную роль в обеспечении макроэкономической устойчивости, особенно в странах с хроническим дефицитом внешней торговли. С точки зрения укрепления финансового, продовольственного и энергетического суверенитета инвестиции в такие резервы — необходимая и стратегически обоснованная мера.

Центр
изучения
Африки
НИУ ВШЭ